

Волжский

**Гаршин как религиозный
тип**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В67

Волжский
В67 Гаршин как религиозный тип / Волжский – М.: Книга по Требованию, 2014. –
56 с.

ISBN 978-5-517-98069-4

ISBN 978-5-517-98069-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

—бессознательно, тайно религиозенъ... Оттого-то у русскихъ людей, у русскихъ атеистовъ-интеллигентовъ часто случается неожиданно быстрое перелицеваніе изъ крайняго, непременно крайняго отрицанія въ крайнее утвержденіе, въ такихъ случаяхъ—просто воскресаетъ то, что никогда и не умирало, а только пряталось въ стыдѣ и непризнаніи самого себя, своего главнаго...

Сюда же относится та страстно-напряженная религиозная жажда, которая таится порою въ русскомъ атеизмѣ, та могучая страсть скрытаго религиознаго горѣнія, которая пряталась въ русскомъ нигилизмѣ. Удивительно своеобразно отрицаніе русскаго атеизма. «И не насъ однихъ,—говоритъ въ «Идіотѣ» Достоевскій,— а всю Европу дивитъ въ такихъ случаяхъ русская страстность наша: у насъ коль въ католичество порейдетъ, то ужъ непременно іезуитомъ станетъ, да еще изъ самыхъ подземныхъ; коль атеистомъ станетъ, то непременно начнетъ требовать искорененія вѣры въ Бога насиліемъ, то есть, стало быть, и мечемъ! Отчего это, отчего разомъ такое изступленіе? Неужто не знаете? отъ того, что онъ отечество нашель, которое здѣсь просмотрѣль, и обрадовался; берегъ, землю нашель и бросился ее цѣловать! Не изъ одного вѣдь тщеславія, не все вѣдь отъ однихъ скверныхъ тщеславныхъ чувствъ происходятъ русскіе атеисты и русскіе іезуиты, а изъ боли духовной, изъ жажды духовной, изъ тоски по высшему дѣлу, по вѣрному берегу, по родинѣ, въ которую вѣровать перестали, потому что никогда ея и не знали! Атеистомъ же такъ легко сдѣлаться русскому человѣку, легче, чѣмъ всѣмъ остальнымъ во всемъ мірѣ! И наши не просто становятся атеистами, а непременно *увѣруютъ* въ атеизмъ, какъ бы въ новую вѣру, никакъ и не замѣчая, что увѣровали въ нуль. Такова наша жажда!» Въ страстности отрицанія, въ *вѣрѣ* атеизма слышится затаенная тяга къ религіи, скрытая власть положительнаго религиознаго исповѣдованія. «Я не могу о другомъ, я всю жизнь объ одномъ. Меня Богъ всю жизнь мучить», признается нигилистъ Кириловъ въ „Бѣсахъ“ Достоевскаго, и въ этихъ мукахъ Богомъ загорается свѣтъ властныхъ религиозныхъ озареній, тайный зовъ къ Богу... Старецъ Зосима, это художественное воплощеніе христіанскаго сознанія, введеннаго психологическимъ опытомъ Досто-

евскаго въ кругъ новыхъ религіозныхъ переживаній, этотъ христіанскій старецъ понимаетъ и благословляетъ русскаго атеиста и нигилиста Ивана Карамазова въ его мученіи Богомъ, въ его бореніяхъ со Христомъ. „Идея эта еще не рѣшена въ вашемъ сердцѣ и мучить его,—говоритъ Зосима Карамазову...—Если не можетъ рѣшиться въ положительную сторону, то никогда не рѣшится и въ отрицательную, сами знаете, это свойство вашего сердца; и въ этомъ вся мука его. Но благодарите Творца, что далъ вамъ сердце высшее, способное такую мукою мучиться „горная мудроствовати и горныхъ искати, наше бо жителство на небесѣхъ есть“. Дай вамъ Богъ, чтобы рѣшеніе сердца вашего постигло васъ еще здѣсь на землѣ, и да благословитъ Богъ пути ваши».

Все это свидѣтельствованія религіознаго чутія Достоевскаго, *выразительныя свидѣтельствованія*. И никто не скажетъ, чтобы Достоевскій слишкомъ былъ расположенъ преувеличивать правду интеллигенціи, но, раскрывая въ своихъ углубленныхъ новыиъ психологическимъ и историческимъ опытомъ религіозно-христіанскихъ переживаніяхъ таившуюся въ нихъ „правду о землѣ“, онъ всталъ лицомъ въ лицу съ вопросомъ, величайшей важности и величайшей сложности—съ вопросомъ о правдѣ интеллигенціи, о скрытомъ въ ней религіозно-христіанскомъ питаніи подъ маскою Богоборца. Онъ ощутилъ это не только на полюсѣ положительнаго притяженія въ открытомъ исповѣдываніи Шатова, но и на полюсѣ отрицательныхъ отталкиваній, въ психологіи атеизма и нигилизма. И здѣсь въ полной силѣ выдвигается вопросъ о томъ, что въ русскомъ атеизмѣ отъ богоотступничества Каина, отъ дерзновенной гордыни Вавилонской башни чловѣкобожества и что отъ богоборчества Іакова, боровшагося съ Богомъ въ ночи, не вида лица Его...

Христіанство жило въ литературѣ русской, но сказывалось вторичными признаками нравственной жажды, отсюда тотъ своеобразный „этицизмъ“ русской литературы, то учительное, апостольское начало въ ней, на которое всегда много указывалось и что особенно удивляло европейцевъ въ нашей литературѣ. Это все пережитки несознанной до конца религіозности, пережитки христіан-

ских настроений, живые цвѣты неизжитыхъ еще на нашей жизни и неизживаемыхъ религіозно-христіанскихъ началъ.

Все это имѣетъ прямое отношеніе къ Гаршину. Въ немъ съ особенной силой и правдой, сказалось это своеобразное, какъ бы застѣнчиво—прятчущееся, затемнѣнное христіанское сознаніе въ русской литературѣ. Гаршицъ не былъ,—быть можетъ, только не успѣлъ быть,—первокласснымъ русскимъ писателемъ, чисто литературное значеніе, художественная цѣнность его произведеній переходящи, но самый его мученически—прекрасный ликъ, чарующій душевный образъ, личность мученика правды, генія совѣсти, все это—слишкомъ значительно и характерно въ известномъ смыслѣ для всей бессознательно христіанской полосы нашей литературы, чтобы его можно было забыть. Нельзя забыть! Гаршинъ самъ, какъ личность, величайшее художественное твореніе жизни, ея рѣдкій, трагически прекрасный цвѣтокъ. Онъ рѣдкое растеніе, но въ немъ въ крайней формѣ, въ болѣзненно—кричащемъ заостреніи сказалось то, что велико и сильно въ самой глубинѣ, что живетъ въ самомъ существѣ нашего почти всеобщаго сознанія, въ немъ сказалась властно затягивающая, тайно влекущая, *живая* глубь покаянныхъ настроеній, какого-то стыда за жизнь, какой-то тончайшей совѣстливости, остраго сознанія неизбывной вины существованія, то же тяготѣніе къ страдальческому вѣнцу мученичества, къ Голгофѣ подвижничества, къ раслатѣ за вѣковѣчный, въ вѣкахъ растущій грѣхъ социальныхъ противорѣчій, къ преодолѣнію ихъ на крестѣ дѣйственныхъ страдальческихъ усилій борьбы... Подъ болѣзнями и томленіями Гаршина невидимо шевелится власть христіански-трагическаго, самораспинающаго отношенія къ міру...

I.

Родился Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ 2-го февраля 1855 года въ имѣніи своей бабушки по матери, А. С. Акимовой, «Пріятная долина», Вахмутскаго уѣзда, Еваторинославской губерніи. Краткая автобіографія была написана Гаршинымъ, по просьбѣ С. А. Венгерова, еще въ 1884 году. По смерти Гаршина, Венгеровъ сообщилъ ее для напечатанія въ сборникѣ «Красный цѣтокъ», посвященный памяти Всеволода Михайловича Гаршина. Вотъ она.

«Родъ Гаршинныхъ—старинный дворянскій родъ. По семейному преданію, нашъ родоначальникъ, мурза Горша или Гарша, выпелъ изъ Золотой Орды при Иванѣ III и крестился; ему или его потомкамъ были даны земли въ нынѣшней Воронежской губерніи, гдѣ Гаршины благополучно дошли до нынѣшнихъ временъ и даже остались помѣщиками въ лицѣ моихъ двоюродныхъ братьевъ, изъ которыхъ я видѣлъ только одного, да и то въ дѣтствѣ. О Гаршинныхъ много сказать не могу. Дѣдъ мой Егоръ Архиповичъ былъ человѣкъ крутой, жестокій и властный: поролъ мужиковъ, пользовался правомъ *regime postis* и поливалъ кипяткомъ фруктовые деревья непокорныхъ однодворцевъ. Онъ судился всю жизнь съ сосѣдами изъ за какихъ-то подтоповъ мельницы, и къ концу жизни сильно разстроилъ свое крупное состояніе, такъ что отцу моему, одному изъ четверыхъ сыновей и одиннадцати дѣтей, досталось только 70 душъ въ Старобѣльскомъ уѣздѣ. Страннымъ образомъ, отецъ мой былъ совершенной противоположностью дѣду: служба въ кирасирахъ (въ Глуховскомъ полку) въ Николаевское время, онъ никогда не билъ солдатъ; развѣ ужъ когда очень разсердится, то ударить фуражкой. Онъ кончилъ курсъ въ I-й московской гимназіи и пробылъ года два въ московскомъ университетѣ на юриди-

ческомъ факультетѣ, но потомъ, какъ онъ самъ говорилъ, «увлекся военной службой» и поступилъ въ вирасирскую дивизию. Квартировавъ съ полкомъ въ Донцѣ и ѣздя съ офицерами по помѣщикамъ, онъ познакомился съ моею матерью, Е. С., тогда еще Акимовою, и въ 1884 году женился.

«Ея отецъ, помѣщикъ Бахмутскаго уѣзда Екатеринославской губерніи, отставной морской офицеръ, былъ человѣкъ очень образованный и рѣдко-хорошій. Отношенія его къ крестьянамъ были такъ необыкновенны въ то время, что окрестные помѣщики прославили его опаснымъ вольнодумцемъ, а потомъ—и помѣшаннымъ. Помѣшательство его состояло, между прочимъ, въ томъ, что въ голодъ 1843 года, когда въ тѣхъ мѣстахъ чуть не полнаселенія вымерло отъ голоднаго тифа и цинги, онъ заложилъ имѣніе, занялъ денегъ и самъ привезъ «изъ Россіи» большое количество хлѣба, который и роздалъ голодавшимъ мужикамъ, своимъ и чужимъ. Къ сожалѣнію, онъ умеръ очень рано, оставивъ пятерныхъ дѣтей; старшая, моя мать, была еще дѣвочкой, но его заботы о воспитаніи ея принесли плоды и послѣ его смерти, попрежнему выписывались учителя и книги, такъ что во времени выхода замужъ моя мать сдѣлалась хорошо образованной дѣвушкой, а по тогдашнему времени и для глухихъ мѣстъ Екатеринославской губерніи даже рѣдко образованной.

«Я родился третьимъ (въ имѣніи бабушки, въ Бахмутскомъ уѣздѣ) второго февраля 1855 года, за двѣ недѣли до смерти Николая Павловича. Какъ сѣвозъ сонъ помню полковую обстановку, огромныхъ рыжихъ коней и огромныхъ людей въ латахъ, бѣлыхъ съ голубымъ волатахъ и волосатыхъ каскахъ. Вмѣстѣ съ полкомъ мы часто перѣзжали съ мѣста на мѣсто; много смутныхъ воспоминаній сохранилось въ моей памяти изъ этого времени, но рассказать я ничего не могу, боюсь ошибиться въ фактахъ. Въ 1858 году отецъ, получивъ наслѣдство отъ умершаго дѣда, вышелъ въ отставку, купилъ домъ въ Старобѣльскѣ, въ 12 верстахъ отъ котораго было наше имѣніе, и мы стали жить тамъ. Во время освобожденія крестьянъ отецъ участвовалъ въ харьковскомъ комитетѣ членомъ отъ Старобѣльскаго уѣзда. Я въ это время выучился читать; выучилъ меня по старой книжкѣ «Современника» (статьи не

помню) нашъ домашній учитель П. В. Завадскій, впоследствии сосланный за безпорядки въ Харьковскомъ университетѣ—въ Петро-заводскъ и теперь уже давно умершій.

«Пятый годъ моей жизни былъ очень бурный: меня возили изъ Старобѣльска въ Харьковъ изъ Харькова въ Одессу, оттуда въ Харьковъ и назадъ въ Старобѣльскъ (все это на почтовыхъ, зимою, лѣтомъ и осенью); нѣкоторыя сцены оставили во мнѣ неизгладимое воспоминаніе и быть можетъ слѣды на характерѣ. Преобладающее на моей физиономіи печальное выраженіе вѣроятно получило свое начало въ ту эпоху.

«Старшихъ братьевъ отправили въ Петербургъ; матушка поѣхала съ ними, а я остался съ отцомъ. Жили мы съ нимъ то въ деревнѣ, въ степи, то въ городѣ, то у одного изъ моихъ дядей въ Старобѣльскомъ уѣздѣ. Никогда, кажется, я не перечиталъ такой массы книгъ, какъ въ три года жизни съ отцомъ, отъ пяти до восьмилѣтнаго возраста. Кромѣ разныхъ дѣтскихъ книгъ (изъ которыхъ особенно памятенъ мнѣ превосходный «Міръ Божій» Ра-зина), я перечиталъ все, что могъ едва понимать изъ «Современника», «Времени» и другихъ журналовъ за нѣсколько лѣтъ. Сильно на меня подѣйствовала Бичеръ-Стоу («Жизниа дяди Тома» и «Жизнь негровъ»). До какой степени былъ я свободенъ въ чтеніи, можетъ показать фактъ, что я прочелъ «Соборъ парижской Богоматери» Гюго въ семь лѣтъ и, перечитавъ его въ 25, не нашелъ ничего новаго, а «Что дѣлать» читалъ по книжкамъ въ то самое время, когда Чернышевскій сидѣлъ въ крѣпости. Это раннее чтеніе было, безъ сомнѣнія, очень вредно. Тогда-же я читалъ Пушкина, Лермонтова («Герой нашего времени» остался совершенно непонятнымъ, кромѣ Бэлы, о которой я горько плакалъ), Гоголя и Жуковского. Въ 1863 г. матушка пріѣхала за мною изъ Петербурга и увезла съ собою. 15-го августа вѣхали мы въ него послѣ путешествія изъ Старобѣльска до Москвы на перекладныхъ и отъ Москвы по желѣзной дорогѣ; помню, что Нова привела меня въ неописанный восторгъ (мы жили на Васильевскомъ островѣ), и я началъ даже съ извозчика сочинять къ ней стихи съ рифмами «широка» и «глубока».

Съ тѣхъ поръ я—петербургскій житель, хотя часто уважалъ

въ разныя мѣста. Два лѣта провелъ у П. В. Завадскаго въ Петрозаводскѣ; потомъ одно на дачѣ около Петербурга; потомъ жилъ въ Сольцѣ, Псковской губ. около полугода; нѣсколько лѣтъ жывалъ по лѣтамъ въ Старобѣльскѣ, въ Николаевѣ, въ Харьковѣ, въ Орловской губерніи, на Шекснѣ (въ Кирилловскомъ уѣздѣ). Последній мой отъѣздъ изъ Петербурга былъ очень продолжителенъ: я прожилъ около 1¹/₂ лѣтъ въ деревнѣ у одного изъ своихъ дядей, В. С. Авимова, въ Херсонскомъ уѣздѣ, на берегу Бугскаго Лимана.

«Въ 1864 году меня отдали въ 7-ю слб. гимназію, въ 12 л. Вас. остр. Учился я вообще довольно плохо, хотя не отличался особенной лѣнностью: много времени уходило на постороннее чтеніе. Во время курса я два раза болѣлъ и разъ остался въ классѣ по лѣнности, такъ что семилѣтній курсъ для меня превратился въ десятилѣтній, что, впрочемъ, не составило для меня большой бѣды, такъ какъ я поступилъ въ гимназію 9 лѣтъ. Хорошія отмѣтки я получалъ за русскія «сочиненія» и по естественнымъ наукамъ, къ которымъ я чувствовалъ сильную любовь, не умершую и до сихъ поръ, но не нашедшую себѣ приложенія. Математику искренно ненавидѣлъ, хотя трудна она мнѣ не была, и старался по возможности избѣгать занятій ею. Наша гимназія въ 1866 году была преобразована въ реальную гимназію и долго служила образцовымъ заведеніемъ для всей Россіи (теперь она I-е реальное училище). Мнѣ рѣдко случалось видѣть воспитанниковъ, которые сохранили бы добрую память о своемъ учебномъ заведеніи; что касается до 7-й гимназіи, то она оставила во мнѣ самыя дружелюбныя воспоминанія. Къ В. Θ. Эвальду (директору въ мое время, директоръ и теперь) я навсегда, кажется, сохраняю хорошія чувства. Изъ учителей я съ благодарностью вспоминаю В. П. Геннинга (словесность) и М. М. Федорова (ест. исторія); послѣдній былъ превосходный человекъ и превосходный учитель, къ сожалѣнію, погубленный рюмочкой. Онъ умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

«Начиная съ 4-го класса, я началъ принимать участіе (количественно, впрочемъ, весьма слабо) въ гимназической литературѣ, которая одно время у насъ пышно цвѣла. Одно изъ изданій, «Вечерняя газета», выходило еженедѣльно аккуратно въ теченіе

года. Сколько помню, фельетоны мои (за подписью «Агасферъ»), пользовались успѣхомъ. Тогда-же я подъ влияніемъ «Иліады» сочинилъ поэму (гекзаметромъ) въ нѣсколько сотъ стиховъ, въ которой описывался нашъ гимназическій бытъ, преимущественно драки.

«Будучи гимназистомъ, я только первые три года жилъ въ своей семьѣ. Затѣмъ мы съ старшими братьями жили на отдѣльной квартирѣ (имъ тогда было 16 и 17 лѣтъ); слѣдующій годъ прожилъ у своихъ дальнихъ родственниковъ, потомъ былъ пансіонеромъ въ гимназіи; два года жилъ въ семьѣ знакомыхъ петербургскихъ чиновниковъ и наконецъ былъ принятъ на казенный счетъ.

«Передъ концомъ курса я выдержалъ тяжелую болѣзнь, отъ которой едва спасся послѣ полугодового леченія. Въ это-же время застрѣлился мой второй братъ...

«Не имѣя возможности поступить въ университетъ, я думалъ сдѣлаться докторомъ. Многіе изъ моихъ товарищей (предыдущихъ выпусковъ) попали въ медицинскую академію, и теперь доктора. Но какъ разъ ко времени моего окончанія курса Д — въ подаль записку покойному государю, что вотъ, молю, реалисты поступаютъ въ медицинскую академію, а потомъ проникаютъ изъ академіи въ университетъ. Тогда было приказано реалистовъ въ доктора не пускать. Пришлось выбирать какое-нибудь изъ техническихъ заведеній; я выбралъ то, гдѣ поменьше математики, — горный институтъ. Я поступилъ въ него въ 1874 году. Въ 1876 хотѣлъ уйти въ Сербію, но, къ счастью, меня не пустили, такъ какъ я былъ не призывнаго возраста. 12-го апрѣля 1877 г. я съ товарищемъ (Аванасьевымъ) готовился къ экзамену изъ химіи; принесли манифестъ о войнѣ. Наши записки такъ и остались открытыми; мы подали прошеніе объ увольненіи изъ института и уѣхали въ Кишиневъ. Въ кампаніи я былъ до 11-го августа, когда былъ раненъ. Въ это-же время, въ походѣ, я написалъ свою первую, напечатанную въ „От. Зап.“, вещь „Четыре дня“. Поводомъ къ этому послужилъ дѣйствительный случай съ однимъ изъ солдатъ нашего полка (скажу кстати, что самъ я ничего подобнаго никогда не испыталъ, такъ какъ послѣ раны былъ сейчасъ же вынесенъ изъ огня).

„Вернувшись съ войны, я былъ произведенъ въ офицеры, съ

большимъ трудомъ вышелъ въ отставку (теперь опять меня зачислили въ запасъ). Нѣкоторое время ($\frac{1}{2}$) слушалъ лекціи въ университетѣ (по историко-филологическому факультету). Въ 1880 г. заболѣлъ и по этому-то случаю прожилъ долго въ деревнѣ у дяди. Въ 1882 году вернулся въ Петербургъ, въ 1883 году женился на Н. М. Золотиловой; въ томъ-же году поступилъ на службу секретаремъ въ желѣзнодорожный сѣвздъ». ¹⁾

Вотъ все, что рассказалъ Гаршинъ о самомъ себѣ въ этой сдержанной автобіографической запискѣ. Здѣсь данъ только довольно точный слѣпокъ вѣдншихъ событій жизни Всеволода Михайловича; главнымъ образомъ, рисуется здѣсь его дѣтство, гораздо глуше сообщены данныя о позднѣйшихъ годахъ жизни. И то, и другое послѣ смерти Гаршина значительно было дополнено, а мѣстами и исправлено, воспоминаніями людей, близко знавшихъ его.

Въ нашемъ очеркѣ нельзя дать полной біографіи Гаршина, а потому слѣдуетъ отмѣтить только нѣкоторыя, наиболѣе выдающіяся данныя о его жизни, въ которыхъ сказалась его *личность*.

Гаршинъ—ребенокъ поражаетъ окружающихъ своимъ раннимъ развитіемъ, содержательностью своихъ дѣтскихъ интересовъ, вдумчивостью и серіозностью. Хотя все это не убиваетъ въ немъ дѣтской простоты и непосредственности. Онъ, какъ видно изъ самой автобіографической записки, рано начинаетъ читать и читаетъ много, безпорядочно и совершенно свободно, но недѣтское чтеніе не вызываетъ въ немъ непріятной взрослости, серіозность не переходитъ въ серьезничаніе, и вообще раннее развитіе его не выражается ни въ какихъ болѣзненныхъ эксцессахъ, не вызываетъ самонасилія и душевнаго вывиха. Напротивъ, все въ немъ, по рассказамъ людей знавшихъ его въ эту пору его жизни, просто, мило, непосредственно-цѣльно... Всѣхъ поражала и наружность этого мальчика, нѣжная, обяательно-ласковая, чарующая. Онъ „былъ необыкновенно красивъ, добръ, кротокъ и пользовался общей любовью всѣхъ окружающихъ. Ему было четыре года, когда однажды, при выходѣ изъ церкви, къ матери его подошелъ незнакомый старикъ и замѣтилъ, восхищаясь мальчикомъ:

¹⁾ „Красный пѣвцовъ“. Сб. въ память Вс. Мих. Гаршина, стр. 60—65.

— Вашъ снѣтъ удивительно хорошъ, но эта красота не ангельская: болѣе всего онъ напоминаетъ мнѣ Іоанна Крестителя, какъ его изображаютъ съ агнецѣмъ. Я именно такого видѣлъ заграницей, въ дреденской галереѣ.

Въ особенности прекрасны были его глаза—большіе, свѣтлокаріе, съ длинными рѣсницами. Уже съ дѣтства свѣтились въ нихъ и доброта, и кротость, и какая-то грусть¹⁾.

Рано появились въ немъ, рассказываетъ Абрамовъ, „всѣ тѣ прелестныя черты его характера, которыя позднѣе невольнo очаровывали и покоряли всякаго, имѣвшаго съ нимъ какое-либо дѣло: его необычайная мягкость въ отношеніяхъ къ людямъ, глубокая справедливость, уживчивость, строгое отношеніе къ себѣ, скромность, отзывчивость на горе и радость ближняго и многое другое. Вмѣстѣ съ тѣмъ уже въ это время проявлялись весьма замѣтно и тѣ умственные качества Вас. Мих., которыя затѣмъ такъ пышно развились въ Гаршинѣ-юношѣ и зрѣломъ человѣкѣ: его вдумчивое отношеніе ко всему видѣнному, слышанному и читанному, способность быстро схватывать сущность дѣла и находить разрѣшеніе вопроса, видѣть въ предметѣ тѣ стороны, которыя обыкновенно ускользаютъ отъ вниманія другихъ, оригинальность выводовъ и обобщеній, способность быстро и легко присекивать доводы и аргументы въ подтвержденіе своихъ воззрѣній, умѣнье находить связь и зависимость между предметами, какъ бы они затѣмнены не были“²⁾.

Гаршинъ былъ въ высшей степени впечатлительнымъ, чувствительнымъ и чуткимъ ребенкомъ. Крайняя нервность и быстрая возбужденность его натуры, отзывчивость и тревожность души стали проявляться очень рано въ немъ. Между прочимъ, въ воспоминаніяхъ брата Вс. Гаршина, Ев. М. Гаршина, напечатанныхъ въ «Родникѣ» за 1888 г. № 6, сообщается, что «въ Старобѣльскѣ, гдѣ жила семья Гаршинныхъ во время крымской войны, постоянно смѣнялись квартировавшіе тамъ кавалерійскіе полки. Въ домѣ Гаршинныхъ часто бывали офицеры, капитаны Севастополя, и рассказы о всѣхъ ужасахъ и подвигахъ Се-

¹⁾ Соч. Гаршина. „Свѣдѣнія о жизни В. М. Гаршина“, А. Слабичевскаго.

²⁾ Сборникъ памяти В. М. Гаршина. „Матеріалы для біографіи“ Л. Абрамова, 2—3 стр.